

Повести и рассказы

Елена Глушенко

Сегодня я не умру

Елена Глушенко

Сегодня я не умру

«Автор»

2009

Глушенко Е. В.

Сегодня я не умру / Е. В. Глушенко — «Автор», 2009

«...Я проснулся не от холода, не оттого что залаяла глупая соседская шавка, испугавшаяся ночного шороха, и не от кошмара, приснившегося, как обычно, под утро. Я проснулся от боли, потому что в мое горло впилося лезвие, показавшееся мне раскаленным.— Простите меня. Простите, ради бога! — сказал он тихо. В лунном свете его лицо было белым, как у мертвеца. За окном трещали цикады. Свежий ветер шевелил легкую занавеску. Я проглотил комок в горле, и лезвие снова больно укололо меня.— За что? Я не узнал свой голос, до того хрипло прозвучали эти слова. Казалось, он обрадовался вопросу, и пустился в путанные объяснения:— Тебе лучше знать за что... Хотя, какая разница... Нет, вообще-то разница есть. Особенно, если это правда... Мне тогда будет легче... На самом деле у меня нет выбора. Я просто должен это сделать. Понимаете? О да, я понимал. Я слушал его тихий взволнованный голос, ощущал, как лезвие ножа сильнее и сильнее давит на мое горло, и с каждым словом все отчетливей понимал, что, похоже, он действительно меня убьет»

© Глушенко Е. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

День первый	6
День второй	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Глушенко

Сегодня я не умру

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

День первый

Солнце уже клонилось к закату, когда он, наконец, выбрался из лесу.

Олег шел по замусоренной дороге меж двух рядов грязных разваливающихся строений (язык не поворачивался назвать их домами) и дивился почти полному отсутствию людей на улице. Здесь было тихо. Очень тихо.

Изредка ему на глаза попадались неопрятные старухи, копавшиеся в грядках. На проходившего мимо чужака они не обращали никакого внимания, продолжая ковыряться в земле. Троица местных заводил с испитыми рожами, сидевших на лавке у покосившегося забора, проводила его мутными взглядами. Лежавшая под лавкой собака с грязной клочковатой шерстью подняла голову и забрехала, лениво и беззлобно. На нее шикнули, и она с готовностью заткнулась, снова уронив голову на землю.

Жуткое впечатление производила эта вымирающая деревня. Нет, в ней еще теплилась жизнь: где-то вдалеке тарахтел трактор, а проехавший мимо грузовик обдал Олега клубами теплой липкой пыли и распугал кур, гревшихся на обочине. И все же постороннему взгляду было совершенно ясно, что это агония – рано или поздно здесь не останется ни одного разумного существа.

Олегу нужно было спросить дорогу, но он никак не мог заставить себя обратиться к кому-либо из обитателей этого погибающего места. Так что он шел и шел, пока не уткнулся в реку. Он мог свернуть направо, а мог и налево. Олег выбрал второе, потому что иначе солнце било бы ему прямо в глаза, и двинулся вдоль берега.

Метров через четыреста деревня снова закончилась. Он остановился, оглядываясь по сторонам и раздумывая, что делать дальше. От усталости он уже не чувствовал голода, но пить ему хотелось по-прежнему. Правая нога пульсировала и ныла нестерпимо.

Внезапно на крыльце крайнего дома показался человек с белым чемоданчиком в руке, и Олег понял, что его цель близка.

– Ты слышал, что я сказал, харя немытая? – крикнул человек кому-то в глубине дома. – В следующий раз я его не зашью, а отрежу.

«Бу-бу-бу», – послышалось в доме, потом что-то по звуку тяжелое упало, и во дворе, не вылезая из конуры, залаяла собака.

Человек с чемоданчиком вздохнул и пошел со двора.

– Здравствуйте, – обратился Олег к мужчине, вышедшему за ворота. – Вы не подскажете, где я могу найти доктора?

– Здравствуйте, – отозвался мужчина. – Вам повезло – я и есть доктор. Что-то случилось?

– Ни хрена себе! – сказал доктор, когда Олег закатал правую штанину до колена. – Где это вас так угораздило?

Он присел перед Олегом на корточки, разглядывая рану с запекшейся кровью вперемешку с грязью, травинками и мелкими кусочками коры.

– Споткнулся, – пояснил тот.

– Ясно. Сейчас что-нибудь придумаем.

Доктор легко распрямился и пошел в угол к рукомойнику.

Пока он мыл руки и готовился, Олег сидел на стуле рядом со столом, покрытым старенькой поцарапанной клеенкой, и оглядывался по сторонам. Дом, куда его привели, был ничем не примечательней остальных хибар в этой деревне. Но здесь, по крайней мере, хоть было чисто.

Стол, возле которого его усадили, располагался у раскрытого окна с шевелившимися на сквозняке легкими цветастыми занавесками. Вдоль правой от Олега стены вытянулся выдавшийся виды диван, обтянутый потрескавшимся коричневым дерматином. На противоположной

стене, справа от входной двери, висела на крючках одежда и какие-то сетки. Здесь же аккуратным рядком стояла обувь: болотные сапоги, ботинки на толстой рифленой подошве и кроссовки, которые доктор снял, войдя в дом и переобувшись в домашние клетчатые тапочки. Слева от входной двери в углу висел рукомойник с подставленным под него помятым цинковым ведром.

Хозяин дома скрылся за полуоткрытой дверью, ведущей вглубь дома, и через минуту вернулся с большим эмалированным тазом. Олег поставил правую ногу в таз, и доктор принялся поливать ее водой из пузатого облупленного кувшина.

– Как вы сюда попали? Заблудились? – поинтересовался доктор, пинцетом вынимая соринку из раны.

– Ну... – замялся Олег. – В общем, да. Оставил машину возле Аникино. Думал, выйду к месту, но, похоже, немного не рассчитал.

– Ничего себе – немного, – хмыкнул доктор. – Вообще-то, Аникино километрах в десяти отсюда будет.

Олег примерно так и думал, но все же решил уточнить:

– Это ведь Загибаево?

Хозяин кивнул.

– Говорящее название, – усмехнулся Олег.

Доктор поднял на него внимательный взгляд.

– Да, пожалуй, – отозвался он после паузы. – Я раньше как-то не задумывался...

Они немного помолчали.

– А что вы делали в лесу? – спросил хозяин. – На грибника вроде не похожи. На охотника тоже.

У Олега не было ответа на этот вопрос.

– Так, – пожал он плечами. – Гулял.

Почему-то доктор даже не усмехнулся – лишь снова глянул снизу вверх серьезно и внимательно.

Наконец он убрал таз, положил Олегову ногу на табурет и сел рядом, разглядывая рану – промытую, опухшую и кое-где снова начавшую кровоточить.

– Сейчас будет больно, – предупредил он.

Олег кивнул и отвернулся к окну, закусив губу.

Минут через десять все было кончено. Доктор помог ему перейти на диван, где Олег и уселся, провалившись в продавленное сиденье.

– Оставайтесь у меня. Во-первых, скоро темнеть начнет. А во-вторых, вам все равно сейчас нельзя напрягать ногу.

Олег обрадовался предложению, но все же из приличия поинтересовался:

– А я вам не помешаю?

– Нисколько. К тому же, честно признаться, мне здесь не так уж часто выдается возможность хоть с кем-нибудь поговорить.

Доктор, похоже, тоже был рад неожиданному знакомству.

– Подождите немного, – засуетился он. – Я сейчас здесь приберу, и будем пить чай.

Под тугой повязкой нога пульсировала и ныла. Олег отстраненно наблюдал, как доктор уносит таз с кувшином, вытирает с пола пролившуюся воду, убирает в свой чемоданчик лекарства и бинты, и чувствовал приятную тяжесть, разливавшуюся по всему телу. Потом его веки стали совсем неподъемными, он перестал обращать внимание на боль, закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся он внезапно, словно его что-то подбросило. Олег резко выпрямился и заморгал, пытаясь сообразить, где он.

В доме было темно и тихо. Фосфоресцирующие стрелки наручных часов показывали начало третьего. Он поднялся с дивана, чертыхнулся, наступив на больную ногу, но все же сделал несколько шагов по комнате.

Луна смотрела в распахнутое настежь окно, и в ее призрачном свете все вещи и предметы казались одушевленными и наполненными каким-то тайным смыслом – словно они только притворялись столом, стулом, одеждой, а на самом деле были предназначены совсем для других целей.

Заботливый хозяин оставил для него на столе коробку с соком и пачку печенья. Олег присел у окна и немного пожевал. Где-то далеко, на другом конце деревни, залаяла, подвывая, собака. Ее никто не поддержал, она еще немного повывла и умолкла. Снова стало тихо-тихо.

Он посидел еще с минуту, затем поднялся и, прихрамывая, пошел к двери, ведущей вглубь дома.

...Я проснулся не от холода, не оттого что залаяла глупая соседская шавка, испугавшаяся ночного шороха, и не от кошмара, приснившегося, как обычно, под утро. Я проснулся от боли, потому что в мое горло впилося лезвие, показавшееся мне раскаленным.

– Простите меня. Простите, ради бога! – сказал он тихо.

В лунном свете его лицо было белым, как у мертвеца. За окном трещали цикады. Свежий ветер шевелил легкую занавеску. Я проглотил комок в горле, и лезвие снова больно укололо меня.

– За что?

Я не узнал свой голос, до того хрипло прозвучали эти слова. Казалось, он обрадовался вопросу, и пустился в путаные объяснения:

– Тебе лучше знать за что... Хотя, какая разница... Нет, вообще-то разница есть. Особенно, если это правда... Мне тогда будет легче... На самом деле у меня нет выбора. Я просто должен это сделать. Понимаете?

О да, я понимал. Я слушал его тихий взволнованный голос, ощущал, как лезвие ножа сильнее и сильнее давит на мое горло, и с каждым словом все отчетливей понимал, что, похоже, он действительно меня убьет.

Почему-то мне вспомнилось, как я увидел его у дома Семеныча – в приличном спортивном костюме и темных очках, закрывавших пол-лица. Он был совершенно не к месту в этих краях, словно редкая заморская птица на наших болотах, но, похоже, его это не волновало.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он. – Где я могу найти врача?

Я бегло оглядел его и заметил, что правая брючина у него порвана и запачкана кровью.

– Пойдемте ко мне, это недалеко, – предложил я, и мы двинулись вдоль реки.

Всю дорогу он молчал. Молчал и я, искоса поглядывая на него. Меня слегка раздражало, что я не мог видеть его глаз из-за этих дурацких темных очков.

Он снял очки, только зайдя в дом и усевшись за стол у окна, так что я, наконец, получил возможность разглядеть его как следует.

На вид ему было лет тридцать пять – тридцать семь. Он был ниже меня ростом, но крепче и шире в плечах. Сонное выражение светлых глаз под набрякшими веками я объяснил усталостью, а бледность – болью в пораненной ноге. Держался он несколько натянуто и, как мне показалось, исподволь изучал меня, пока я разбирался с его ногой.

Мне хотелось поговорить с ним, не важно о чем, но он мгновенно сморился и заснул на диване в неловкой позе, запрокинув голову и приоткрыв рот.

Оказывается, я даже сам не догадывался, насколько стосковался по хорошему собеседнику. Но он уснул, так что мне пришлось отложить нашу душевную беседу на утро.

Однако утро началось не с душевных бесед, а с ножа, уткнувшегося мне в шею.

Я смотрел в его белое лицо и никак не мог понять, маньяк он или просто болен. Я никогда не встречал его раньше, не сделал ему ничего плохого и даже был вправе рассчитывать на некоторую благодарность, так что личные мотивы в его действиях отметались. Если он собирался ограбить меня, то вполне мог просто забрать все, что ему приглянулось, хотя, говоря по правде, кроме лекарств брать у меня было нечего.

– Забирай, что хочешь, и уходи, – прохрипел я.

– Мне ничего не надо, – ответил он. – Мне нужен ты.

Почему-то я так и думал.

– Зачем?

– Затем что иначе он искалечит моего сына.

– Кто – он?

– Бык.

– Кто? – не понял я.

– Быков. Ты что – не помнишь Быкова?

Я понятия не имел, кто такой Быков.

– Ты убил его брата, – пояснил он.

Оцепенение прошло, я чувствовал, что начинаю звереть. Сердце колотилось, и в ушах так звенело, что я с трудом различал его слова.

– Я никого не убивал.

Он поморщился.

– Это не важно... Хотя мне будет труднее, если ты не виноват. Потому что вообще-то я не убийца – просто так получилось... Я не думал, что все пойдет так далеко, но у меня не было выбора...

Бла-бла-бла, бла-бла-бла. Я слушал, но не слышал его – у меня все плыло перед глазами и шумело в голове.

Он говорил чуть ли не извиняющимся тоном. Рука с ножом, похоже, начала уставать, поскольку давление на мое горло немного ослабло.

«Надо сделать это сейчас же. Другого случая может не быть», – я даже не успел додумать эту мысль, как моя левая рука с силой отбила лезвие в сторону, а правая, сжатая в кулак, со всей дури въехала ему в переносицу. Он бросил нож и с криком схватился за лицо. Я толкнул его на пол и кинулся сверху.

Он был моложе и сильнее меня и к тому же, видимо, ходил в спортзал. Я же последний раз занимался физкультурой в институте и не дрался, начиная с восьмого класса. Так что ничего удивительного, что очень скоро он оседлал меня и принялся душить. Перед глазами закружились, все быстрее и быстрее, фиолетовые с золотом круги, и мне стало ясно, что это конец. Я перестал отрывать его клешни от своего горла, лихорадочно зашарил руками по полу и наткнулся на табуретку. Уже почти потеряв сознание, я схватился за ножку табуретки и из последних сил шарахнул его по голове.

Он замер, через секунду обмяк и рухнул на пол.

Я лежал рядом и жадно хватал ртом воздух, словно утопающий, по счастливой случайности выброшенный на берег морским приливом. Наконец, отдышавшись, я с трудом поднялся на ноги и посмотрел на человека, который пытался меня убить и которого только что чуть не убил сам.

Увы, я не убил его – только пробил ему череп, сломав хорошую крепкую табуретку. Теперь придется просить Федора сделать новую. А тот ничего не делает задаром. Значит, опять будет вымогать «лекарству».

Лежавший на полу человек пошевелился и слабо застонал. С трудом поднявшись, я схватил за своим чемоданчиком, и после укола он снова затих. Теперь можно было заняться собой

– его нож разрезал мне ребро левой ладони. Хорошо, что я правша. Остановив кровь, я обработал порез и перевязал руку. Потом перетащил гостя на кровать и занялся его черепом.

Было уже почти шесть утра, когда я закончил. Голова болела так, что, казалось, сейчас лопнет. Измерил давление – так и есть: сто шестьдесят на сто двадцать. Выпил клофелин и совершенно обессиленный сполз на пол рядом с кроватью.

В голове царил полный хаос. Мысли носились с бешеной скоростью, сталкивались, опрокидывали друг друга и разбегались в разные стороны. От этого лихорадочного броуновского движения звенело в ушах. К счастью, скоро начало действовать лекарство. Постепенно мысли замедлили свой бег, забуксовали и из упругих теннисных мячиков превратились в комья липкой сладкой ваты. Еще через некоторое время мне уже потребовалось усилие, чтобы заставить себя думать.

Быков, Быков... Я не знал никакого Быкова и уж тем более не убивал его брата. Я вообще никогда никого не убивал. Во всяком случае, намеренно.

Перед глазами тут же возникла запрокинутая голова, худенькая шея с остро торчащим кадыком и рука с синими набрякшими венами. Я мотнул головой, отгоняя видение, и чуть не застонал от боли, ударившей в виски.

Нет. Только не сейчас. Это не относится к делу, и я не буду об этом думать. Я буду думать только о том, что сказал мне мой странный гость. Потому что только это в данный момент имеет значение.

Я не был убийцей, я был хирургом. Точнее, бывшим хирургом, поскольку еще пару лет назад возглавлял хирургическое отделение первой горбольницы.

Неужели это было всего два года назад? Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

Мне вдруг остро вспомнилась операционная, и этот яркий свет, и красные пятна на белом, и эти запахи... Холодок скальпеля в руке, туго обтянутой резиновой перчаткой... «Боже, прошу – не оставь меня!»

Как давно это было. Словно и не со мной.

Не хочу это помнить. Но как сладко и как мучительно вспоминать...

Давление постепенно нормализовалось, боль отступила, и на смену ей пришли вялость и апатия. Спать не хотелось, шевелиться тоже. Я сидел на полу, привалившись к стене, и не находил в себе сил подняться. Наконец, в животе у меня заурчало, я с трудом встал на ноги и побрел в горницу.

День второй

Хлопнула входная дверь, слышались шаги. Потом лязгнуло что-то металлическое, и звонко полилась вода.

Олег попытался открыть глаза и не смог. Голова раскалывалась на тысячи мельчайших осколков, во рту пересохло. Но самым ужасным было то, что он не мог шевельнуть ни единой частью тела – даже пальцем. И мысль о том, что он парализован, просто убивала его.

Убивала.

Что-то неясное промелькнуло в сознании, какое-то расплывчатое воспоминание. Олег попытался ухватиться за эту мысль, но она ускользнула от него. Должно было существовать какое-то объяснение его беспомощности, но он ровным счетом ничего не помнил.

Олег вообще ничего не помнил: ни кто он, ни где он.

Вода перестала литься, на мгновение стало тихо. Затем снова слышались шаги – кто-то вошел в комнату, где он лежал, подошел к кровати и остановился.

Невероятным усилием воли Олег приоткрыл глаза и сфокусировал взгляд на стоявшем рядом человеке. Высокий, худой, сутулый, тот был похож на большую нахохлившуюся птицу – эдакий ворон, старый и мудрый. Лицо у человека было узким, с длинным носом и коротким ежиком темных с сильной проседью волос. Кустистые брови разделяла глубокая вертикальная складка. Черные глаза под набрякшими веками смотрели сурово и скорбно.

– Очнулся? – спросил ворон.

Голос у него был соответствующий: резкий и хриплый.

– Тебя как звать-то, убивец? – поинтересовался он, усаживаясь на край кровати.

Олег раскрыл было рот и тут же закрыл, потому что понятия не имел, как его зовут.

Он смотрел на странного человека напротив и пытался понять, откуда его знает. А тот протянул длинные пальцы, взял Олега за запястье и принялся считать ему пульс. Потом он оттянул Олегу сначала нижние, затем верхние веки, осмотрел глаза и поправил повязку на его голове.

– Ты помнишь, кто я? – спросил человек.

– Нет, – просипел Олег.

Оказывается, он все еще мог говорить.

– А кто ты – помнишь? Или где ты?

В голове у Олега было пусто и гулко, как на огромном крытом стадионе.

– Ну, хорошо. Ты вообще хоть что-нибудь помнишь?

От напряжения у Олега свело затылок.

Кустистые брови на узком лице образовали домик.

– Значит, будем вспоминать, – вздохнул человек, усаживаясь поудобней.

Он помолчал немного, видимо раздумывая, с чего начать, а потом заговорил, негромко и монотонно:

– Место, где ты находишься, называется село Загибаево. Меня зовут Ермаков Игорь Григорьевич, и прошлой ночью, восемнадцатого июля, ты пытался меня убить. Мне хотелось бы знать почему?

Он строго смотрел на Олега, склонив голову набок, словно суровый, но справедливый директор школы, ждущий объяснений от нашкодившего пятиклассника. Не дождался.

– Вы с ума сошли? – только и спросил Олег.

Игорь Григорьевич снова вздохнул, потерев кончик длинного носа, а затем размотал бинт на левой ладони и показал Олегу глубокий порез.

– Вот это ты сделал, когда я отбивал твой нож, – сказал он и, видя непонимающий взгляд, добавил, уточняя. – Ты пытался перерезать мне горло.

Олег почувствовал холодок где-то в районе солнечного сплетения, а человек наклонился и поднял с пола обломок какой-то деревяшки:

– А вот это ножка ни в чем не повинной табуретки, которую я сломал о твою голову, когда ты меня душил.

Человек говорил совершенно обыденным тоном. Но говорил он настолько невероятные, дикие вещи, что Олегу стало по-настоящему страшно.

– Что вы со мной сделали? – спросил он, ненавидя себя за липкий пот, выступивший между лопаток.

Игорь Григорьевич поднял брови и сжал губы в тоненькую ниточку.

– Да ничего особенного... Так, пара укольчиков в качестве меры предосторожности... Тебе все равно нельзя вставать – у тебя сотрясение мозга. Полежишь здесь пару деньков, придешь в себя. А там посмотрим, что с тобой делать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.